

САМОБЫТНОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ ЭРЗЯНСКОГО НАРОДА В РОМАНЕ К. Г. АБРАМОВА «СТЕПАН ЭРЬЗЯ»

В. И. АНТОНОВА,

*доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

А. Н. ГОЛЯКОВ,

*аспирант кафедры финно-угорских литератур
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Читая роман-трилогию К. Г. Абрамова «Степан Эрьзя», нетрудно убедиться в том, что «мир» личности, народа осмысливается писателем сквозь призму богатейшего паремиологического творчества эрзянского народа. А. С. Пушкин, говоря о проблеме народности в творчестве, подчеркивал, что каждый народ «имеет особенную физиономию», которая должна отражаться «в зеркале поэзии»; с народностью поэт связывал и выражение «духа народа», «образ мыслей и чувствований» [11, 43–44]. Впоследствии Н. В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине», полемизируя с теми, кто поверхностно интерпретировал категорию «народность», утверждал, что любой автор любого произведения «...тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [4, 34]. Таким образом, и Пушкин, и Гоголь рассматривали народность в качестве приоритетного признака национального своеобразия творчества писателей, их умения правдиво изображать жизнь, традиции, быт и нравы, фольклор своего народа, смотреть на мир его глазами, раскрывать красоту родного языка.

Издание трудов выдающегося ученого-просветителя, этнографа и фольклори-

ста, языковеда и педагога конца XIX – начала XX в. М. Е. Евсевьева, который еще в начале прошлого столетия в журнале «Живая старина» опубликовал свою первую работу, посвященную описанию национальной свадьбы, явилось для всех мордовских писателей, исследователей неким ориентиром актуализации в художественной литературе вопросов паремиологического творчества мордвы [7; 8].

В историко-биографическом романе «Степан Эрьзя» не просто отражается дух эпохи, но, прежде всего, создаются этнокультурный фон времени, облик людей, рассматривающихся романистом как часть истории и культуры нации. Абрамов всем сердцем привязан к родному народу, к национальным истокам. Своим произведением он приобщает к восприятию специфики мордовского этноса и другие народы. Почвой национального, самобытного стиля писателя выступают национальное художественное сознание, этноспецифическое мироощущение художника слова, а формой проявления специфики служат те стилевые компоненты (причем различных структурных уровней – от сюжета, композиции до отдельного тропа), которые заключают в себе этническое «фольклорное зерно».

Все произведение Абрамова отличается яркостью, образностью, насыщенностью изобразительно-выразительными

© Антонова В. И., Голяков А. Н., 2016

средствами языка, пословицами и поговорками, динамичными диалогами, подчеркивающими индивидуальность национального характера героев. «Используемые художественно-выразительные средства делают произведение эмоционально напряженным и художественно убедительным, служат раскрытию индивидуального своеобразия других персонажей...», — отмечает Н. В. Резепова [12]. «Мы, пожалуй, впервые встречаемся со столь объемным, многоплановым и зрелым по писательскому мастерству произведением литературы национальных республик Поволжья», — подчеркивает Р. Недосекин [10].

Мастер слова включает в повествование романа-трилогии огромное количество эрзянских паремий: поговорок — кратких, образных выражений, не имеющих синтаксической завершенности; прибауток, представляющих собой «острое словцо или словосочетание»; крылатых выражений; пословиц — изречений, содержащих суждения из житейской мудрости; поучений, рожденных и сформировавшихся в недрах мордовской культуры, на мордовской земле, и др. Особенно изобилует текст романа пословицами. В данных паремиях четко отражаются содержательные картины всех сторон жизни эрзян. Скромность и бахвальство, правда и ложь, ум и глупость, любовь к работе и лень — вот противоположные категории, учитывая которые можно подходить к оценке нравственных качеств народа. Эрзяне, скромные, застенчивые по своей натуре, не могли терпеть хвастунов, пустословов; кроме того, представители данной национальности не только отвергали бахвальство, но и выставляли пустословов на всеобщее посмешище. Например, в одном из диалогов Марья, мать Степана, строго поучает дочь Фиму:

«— Никогда, доченька, не разноси разговоры, которые ведутся дома. ...Слово, что птица, вырвется и облетит весь мир» [1, 99].

Не менее интересны, содержательны в романе и другие пословицы: «Недаром

говорят, что мужская печаль скрытая, а женская — вся на виду» [1, 45]; «Пришел эрзя — тронуть нельзя» [1, 294]; «Взрослый человек, а разум как у ребенка»; «Если посеешь овес, то и соберешь овес...»; «Чего посеешь, то и соберешь» [1, 96]; «Кому больше достанется, тому больше останется» [1, 191]. В каждом из приведенных выше фольклорных жанров раскрывается та или иная сторона человека, его характера, внутреннего состояния. «Язык Абрамова поэтичен, образен, богат интонациями... Народные и обрядовые песни, эрзянские пословицы и поговорки, конкретные детали быта, сказания и легенды, рассыпанные по страницам трилогии... воссоздают тот неповторимый колорит, который отличает всякое произведение настоящего искусства», — совершенно справедливо отмечает Н. Далада [5].

История мордвы тесно связана со множеством обрядов и обычаев, богата произведениями устного народного творчества, переполнена национальной инструментальной музыкой [2]. В народных песнях отражаются радость и горе, любовь и ненависть, веселье и грусть. В песнях выявляются лучшие черты национального характера мордвы: смелость, отвага, правдивость, гуманизм, чуткость, трудолюбие. Народный писатель Мордовии в своем произведении нередко обращается к «музыкальному» устному фольклору, являющемуся неотъемлемой частью каждой национальности, будь то карелы, финны, эстонцы, удмурты, марийцы, татары, чуваша и т. д. Мордва-эрзя и мордва-мокша — не исключение.

В роман-трилогию словами персонажа Охрема автор «вкрапливает» притчи-предания: «Знаешь, как называют эрзяне одинокое дерево на поле?...», — спрашивает одинокий Охрем у Марьи. И сам же, немного помолчав, добавляет: «Репище...» [1, 59]. Охрем — сосед Нефедовых, лицо его «обезображено оспой, один глаз не видит» [1, 59]. Элемент притчи-предания «выливается» у героя в песню-жалобу, которая «озвучивается»

«Умер, пропал у эрзянского парня отец,
Пропала, нет у молодого Алюша матери,
Эта печаль для эрзянского парня не печаль,
Это горе для молодого Алюша не горе.
Потом умерла у эрзянского парня жена,
Пропала у молодого Алюша его половина.
Эта печаль для эрзянского парня

стала печалью,

«...На крыше белый снег. Поэзья, Поэзья.
Взглянет ясное солнце. Поэзья, Поэзья.
Растопленный свежей водичкой потечет.
Поэзья, Поэзья.
До лица земли достанет. Поэзья, Поэзья.
До сердца земли дойдет. Поэзья, Поэзья.
Тело земли обмякнет. Поэзья, Поэзья.
Брошенное семя примет. Поэзья, Поэзья»

ку ходили из дома в дом и пели, за что хозяева угощали их, кто чем мог.

«Славься, славься, –
Славить не умею,
Просить не смею,
Люди-то знавали,
Копейки надавали...» [1, 229].

Эстетические и нравственные идеалы народа реалистически раскрываются романистом при описании праздников. Эмоциональные картины народных гуляний в романе опоэтизированы. Писатель вводит в произведение колядные песни (*колядань морот* – колядки): часто они звучат в форме оды – хвалебного стихотворения, посвященного торжественному событию.

«Коляда, коляда! Сегодня день коляды,
Коляда, коляда! Завтра день Рождества.
Коляда, коляда! В сенях кузовок.
Коляда, коляда! В кузовке голубок.
Коляда, коляда! На нем синее одеяние.
Коляда, коляда! На голове зеленая шапка.
Коляда, коляда! В сторону села

Коляда, коляда! Чувствует рождение

Коляда, коляда! В сторону поля проворкует –
Коляда, коляда! Чувствует урожай хлебов.
Коляда, коляда! Поддай-ка, бабушка,

Коляда, коляда! Из пойменного зерна,
из новой муки.

Коляда, коляда! Маслом облитый был бы,
Коляда, коляда! С него масло текло бы...»
[1, 86–87].

В романе-трилогии показано, что языческие мотивы еще очень сильны в жизни эрзян. Они явственно звучат в сцене прощания с домом Нефедовых при переезде семьи из родного Баева. Женщина просит прощения у мифических божеств за вынужденный переезд на другое, более пригодное место, просит не оставлять их семью и помочь в трудную минуту. «— Не осуди нас, Держатель дома, не прогневишь на нас, уходим от тебя не по своей воле, не по своему желанию. Злая нужда гонит нас с насиженного места. Уходим на новое место искать новой доли. Отдай ты с нами, Держатель дома, от своего очага щепотку золы и горсть пылающих углей. Твоими углями мы ра-

зожжем новый очаг, и пусть он будет таким же благостным, каким был твой...» [1, 141].

«Во дворе Марья прошла под задний навес, встала лицом к плетню и стала созывать предков Дмитрия, чтобы они последовали за ними на новую землю. Потом она обратилась к Держателю двора:

– Держатель двора, не гневись на нас, что я возьму горсть земли для нашего нового места. С добрым сердцем и благими пожеланиями отдай ты нам частицу своей земли...» [1, 142].

Каждая нация, каждый народ, даже каждая социальная группа имеет свои обычаи, традиции, ритуалы, которые складывались на протяжении многих столетий. Именно паремии – неписанные законы – объединяют отдельных людей в одну нацию. Они формируются на протяжении всей истории, жизни и развития народа. У всех народов существует поверье, что тот, кто забыл обычаи своих отцов, карается людьми и Богом.

Кроме того, Марья в своем подчеркнутом обращении призывает духов предков своего мужа, чтобы они помогли на новом месте проживания уберечь семью от зла и напастей. Женщина умоляет высшие силы не оставить ее, поехать вместе с ее семьей в новый дом; просит прощения у духов за причиненные без умысла неприятности, за то, что она забирает с собой комочек земли, чтобы рассеять его на новом месте. В своем магическом ритуале Марья истово просит духов о том, чтобы мифические образы не покинули ее, не обиделись на семью, не накликали беды и огорчения. Использование Абрамовым приемов олицетворения (прозопопеи) способствует лучшему пониманию смысла народного быта мордвы. Писатель в романе совершенствует, приспособливает уже существующие тексты-паремии к условиям жизни героев. В данном фрагменте он наглядно продемонстрировал, как в его произве-

дении «срастаются» авторское видение и поэтика народного фольклора.

В статье И. В. Загородновой о менталитете мордовского этноса делается акцент на том, что основу аксиологического и деятельностного аспектов феномена ментальности мордвы составляют фольклор мордовского народа и его история. В фольклоре запечатлены обычаи, формы бытового поведения, тесно связанные с культурой этноса, сферой народной поэзии. «Фольклор помимо бытовой линии притягивает внимание особым стремлением обратиться к природным силам, использовать их мощь, поэтому требует особого эмоционального осмысления и воспроизведения. Фольклор мордвы (так же как и ее менталитет) формировался... под влиянием религиозных, хозяйственно-экономических идей, представлений о добре и зле, прекрасном и безобразном» [9]. В романе-трилогии «этнокультурные составляющие... народа наиболее ярко проявляются в обрядовой культуре, находящейся в тесной взаимосвязи с его духовностью, нравственностью», – констатирует С. В. Шеянова и продолжает: «Национальное мироощущение, эстетические и нравственно-этические нормы, заложенные мифопоэтикой и традиционными религиозными верованиями, являются... основой концепции мира и человека в любой национальной литературе» [14, 181].

Кроме пословиц и поговорок роман изобилует и другими паремиологическими единицами: наговорами, поверьями, даже элементами ворожбы. Например, реалистически отражая ожидание Марьей сына Иважа, уехавшего на заработки в город, автор использует прием «сплава фольклорно-эпических и литературно-реалистических традиций». В романе художественно изображена боль матери, которая много месяцев не видела сына. Усиливается материнская печаль посредством «включения» в данный контекст народных примет: «...Ждали старшего сына Иважа к Рождеству. Не пришел. Теперь ждут его

к Крещению... может быть, и сейчас напрасно». Марья пошла ворожить к бабушке Орине. «Старуха взяла деревянную чашку, набрала в рот воды и брызнула в нее. Долго смотрела на капли воды по краям и на дне этой чашки.

– Не ожидай его, милая. В эту зиму не придет. Видишь, с краев чашки капли не скатываются на дно до кучи... Ожидай его... к весне, чашка предсказывает правильно, не врет...» [1, 50].

И вновь для матери тянутся бесконечные дни, недели, месяцы ожидания. Марья ждет возвращения сына, который не дает о себе знать три года. В один из дней безысходной тоски она «достала с угловой полки над конником свои бобы для гаданья и... стала их раскладывать. Этому она научилась у матери» [1, 52]. Гаданье на бобах не принесло облегчения героине. Она искренне расстроилась, поскольку ожидание Иважа растягивалось на неопределенное время.

В романе ярко отображены народные приметы, игравшие большую роль в нелегкой, суровой жизни эрзян. Приметы знали все: и взрослые, и маленькие дети. Все их чтили, им верили, хотя и побаивались плохих примет. Так, в очередной раз «естественный» язык звучит в словах сестры Степана Нефедова, Фимы. Писатель наглядно демонстрирует это в отрывке, в котором описывается ее томительное ожидание с заработков брата.

«...С улицы вбежала Фима и с порога заявила:

– Мама. У нас на крыше стрекотала со- рока, наверное, Иваж заявится.

– Она стрекотала к приезду отца, – твердо сказала Марья» [1, 53].

Хотя Марья наверняка истово верит приметам, ее желание поскорее увидеть сына настолько велико, что она, боясь сглазить хорошую примету, специально отказывается верить ей, в душе надеясь на скорый, благополучный приезд Иважа.

Абрамов не отторгает веру в приметы, он ценит и уважает мудрость эрзян, накопленную веками. Об этом в романе

свидетельствует следующий факт: Иваж все-таки вскоре явился; все произошло так, как сулила народная примета.

Романист описывает и несколько иные, религиозные, приметы. Крестьяне чтили праздники, а потому работа в праздничные дни считалась грехом. «Фима хотела было взяться за вышивку, но Марья остановила ее.

– Ты что, забыла, какой день сегодня? Разве в праздник можно вышивать – ослепнешь» [1, 58].

Для более реалистического отображения национальной действительности автор вводит в свое произведение описание эрзянских ритуалов. Ритуал (от лат. *ritualis* – обрядовый) – вид обряда, исторически сложившаяся форма сложного символического поведения, упорядоченная система действий (в том числе речевых); выражает определенные социальные и культурные взаимоотношения, ценности. Ритуал играет важную роль в истории любой нации как традиционно выработанный метод социального воспитания. В культуре эрзян, подчеркивает Абрамов, есть свои духовные обречения и открытия, свои драмы и трагедии, свое видение мира. Например, если кто-либо из детей заболел, непременно думали на сглаз и носили ребенка к ворожее (бабушке Орине), которая наговаривала на воду. Другой пример: когда Степан в первый раз взял в руки настоящий инструмент и больно ударил тесаком по пальцу, мать, успокаивая его, стала приговаривать: «– Не плачь, сыночек... Если порезал, мы возьмем с иконы паутинку, приложим на ранку и к завтрашнему утру все заживет». Также Марья присыпала пальчик золой. (В данном фрагменте отмечены две проекции веры эрзянского народа – языческой и христианской.)

Виды ритуальных обрядов, ворожбы отражены во многих фрагментах произведения. Так, Дмитрия, повредившего ногу, не повезли к доктору. Лечить его пришла бабушка Орина, которая слыла хорошей ворожеей. «Она принесла за пазухой какие-то гладкие камешки. Эти-

ми камешками поводи́ла по ушибленной ноге, пошептала что-то...

– Нога-то чувствует?

– Чувствую, как ты водишь по ней теплыми камнями.

– Тогда не горюй, нога твоя заживет, жилы все на месте.

Попросила у Марьи полотенце, смочила его холодной водой и приложила на ушибленное место, чего-то бормоча себе под нос.

– Утром и вечером будешь смачивать это полотенце холодной водой и прикладывать... Не забудь упомянуть имя батюшки – Держателя дома» [1, 62]. Ори́на обращается с просьбой о здоровье Дми́трия к хозяину дома:

– Кудонь-кирди, Кудонь-ашти, выйди-ка, выйди-ка из тухлявого угла своего, поправь-наладь ногу Дми́трия, помоги ему ступить на землю...» [1, 62]. Заговаривая больную ногу, старуха обращается как к силам духов – Держателю дома, так и к силам природы: камням, воде, теплу. В данном фрагменте наглядно иллюстрируется то, что паремии – пословицы, поговорки, загадки, наговоры, ритуальные заговоры – представляют собой один из важнейших элементов традиционной духовной культуры эрзян.

Мордва является одним из наиболее крупных народов в составе финно-угорской семьи. Этническая неоднородность мордвы (два субэтноса: мокша и эрзя и несколько этнографических групп: терюхане, каратаи, шокша), особенности расселения обусловили наличие особых черт и вариативности её внутриэтнической культуры. Некоторые различия в историческом развитии, повседневном быте, языке породили определённую специфику духовной жизни народа, что обуславливает необходимость при выявлении общенациональных черт в различных жанрах устно-поэтического народного творчества говорить и о мокшанской и об эрзянской специфике. Произведения паремиологического творчества, наряду с другими фольклорными жанрами, как показывает в романе-трилогии «Сте-

пан Эрзя» К. Г. Абрамов, являются сферой, в которой эрзяне воплотили художественное богатство своего языка, мышления, своего исторического бытия.

Каждая нация, каждый народ, даже каждая социальная группа имеет свои обычаи, традиции, ритуалы, которые складывались на протяжении многих столетий. Именно паремии – неписанные законы – объединяют отдельных людей в одну нацию. Они формируются на протяжении всей истории, жизни и развития народа. У всех народов существует поверье, что тот, кто забыл обычаи своих отцов, карается людьми и Богом. Кроме того, «этническое самосознание мордовского народа концентрирует в себе представления об общности исторической судьбы с другими народами». В этом проявляются межпоколенная связь и устойчивость этнической составляющей [9]. Своеобразие романа заключается в том, что писатель, разрешая нравственные, социальные коллизии героев, часто обращается к фольклору. История эрзянского народа, осмысление нравственно-философских, социально-бытовых проблем людей, по его мнению, преломляются через призму устного народного творчества. «Эстетические средства фольклора во многом содействуют изображению национального характера, раскрываемого на фоне типичных социально-общественных явлений» [6, 155].

Роман-трилогия – это панорамный роман о судьбе личности, «о веками складывающихся народных представлениях о добре, честности, справедливости...». Абрамов, по мнению А. И. Брыжинского, на фоне героя «воссоздает цельный, полнокровный образ народа, рисует яркие народные типы» [3, 24]. Они интерпретируются автором в соответствии с пониманием конкретного фольклорного материала, видением прошлого и «перелагаются в романтическое повествование, где переплетаются» с историческими фактами реальной действительности [13, 18].

Поступила 28.11.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Абрамов, К.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 3. Степан Эрзя : биографический роман / пер. с морд.-эрзя Г. Максимова и Ю. Галкина. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1999. – Кн. 1 и 2.
2. *Бояркина, Л. Б.* Календарные и круговые песни эрзянских переселенцев Среднего Заволжья (жанры, функции, музыкально-стилевые особенности) // Фольклор и фольклоризм / сост. Н. Е. Булычева. – Саранск, 2003. – С. 79–103.
3. *Брыжинский, А. И.* Современная мордовская проза / А. И. Брыжинский. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1995. – 232 с.
4. *Гоголь, Н. В.* Несколько слов о Пушкине // Собрание сочинений : в 6 т. – Москва, 1950. – Т. 6. – С. 34.
5. *Далада, Н.* Лес шумит // Литература и жизнь. – 1962. – 4 февр. – Рец.
6. *Далгат, У. Б.* Литература и фольклор / У. Б. Далгат. – Москва : Наука, 1981. – 304 с.
7. *Евсеев, М. Е.* Эрзянь ёвкст (скасат) / М. Е. Евсеев. – Москва : Центриздат, 1928. – 137 с.
8. *Евсеев, М. Е.* Эрзянь морот / М. Е. Евсеев. – Москва : Центриздат, 1928. – 184 с.
9. *Загороднова, И. В.* Менталитет мордовского этноса в социально-философском и историко-культурном измерении (конец XX – начало XXI века) // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. – 2008. – № 4. – С. 63–70.
10. *Недосекин, Р.* Летопись судьбы народной // В мире книг. – 1966. – № 11. – С. 26–27. – Рец.
11. *Пушкин, А. С.* О народности в литературе // Полное собрание сочинений : в 6 т. – Москва, 1936. – Т. 6. – С. 43–44.
12. *Резепова, Н. В.* Проблема национальной парадигмы в интерпретации образа всемирно известного скульптора С. Д. Эрзи : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Резепова. – Саранск, 2008. – 23 с.
13. *Федосеева, Е. А.* Исторический роман Мордовии / Е. А. Федосеева. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2000. – 44 с.
14. *Шеянова, С. В.* Современный мордовский роман : проблематика, поэтика : монография / С. В. Шеянова. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2013. – 284 с.
1. *Abramov, K.* (1999), Stepan Erzya: Biographical novel, Books 1&2 in Collected Works, Vol. 3, Saransk: Mordovia Press.
2. *Boyarkina, L. B.* (2003), Calendar and circular settlers songs of the Erzyan of Middle trans-Volga region (genres, features, musical and stylistic features), in Bulychева, N. E. Folklore and folklorism, Saransk, p. 79–103.
3. *Bryzhinsky, A. I.* (1995), Modern Mordovian prose, Saransk: Mordovia Press.
4. *Gogol, N. V.* (1950), Few Words about Pushkin, Collected Works, Vol. 6, Moscow, p. 34.
5. *Dalada, N.* (1962), Forest is making noise, Literature and Life, 4 February.
6. *Dalгат, U. B.* (1981), Literature and Folklore, Moscow: Nauka.
7. *Evseev, M. E.* (1928), Erzyan ёvkst (skasat), Moscow: Tsentrizdat.
8. *Evseev, M. E.* (1928), Erzyan Moroto, Moscow: Tsentrizdat.
9. *Zagorodnova, I. V.* (2008), Mordovian ethnos mentality in socio-philosophical and historical-cultural dimension (the end of XX – beginning of XXI century), Bulletin of MSOU, Ser. "Philosophical studies", № 4, p. 63–70.
10. *Nedosekin, R.* (1966), Annals of fate folk, In the world of books, № 11, p. 26–27.
11. *Pushkin, A. S.* (1936), About peoples in literature, Complete Works, Vol. 6, Moscow, p. 43–44.
12. *Rezepova, N. V.* (2008), The problem of the national paradigm in the interpretation of the image of the world famous sculptor S. D. Erzya, Research Prospectus, Candidate Sc. {Philology}, Saransk.
13. *Fedoseyeva, E. A.* (2000), Historical Novel of Mordovia, Saransk: Mordovia University Press.
14. *Sheyanova, S. V.* (2013), Modern Mordovia novel: problematics, poetics monograph, Saransk: Mordovia University Press.